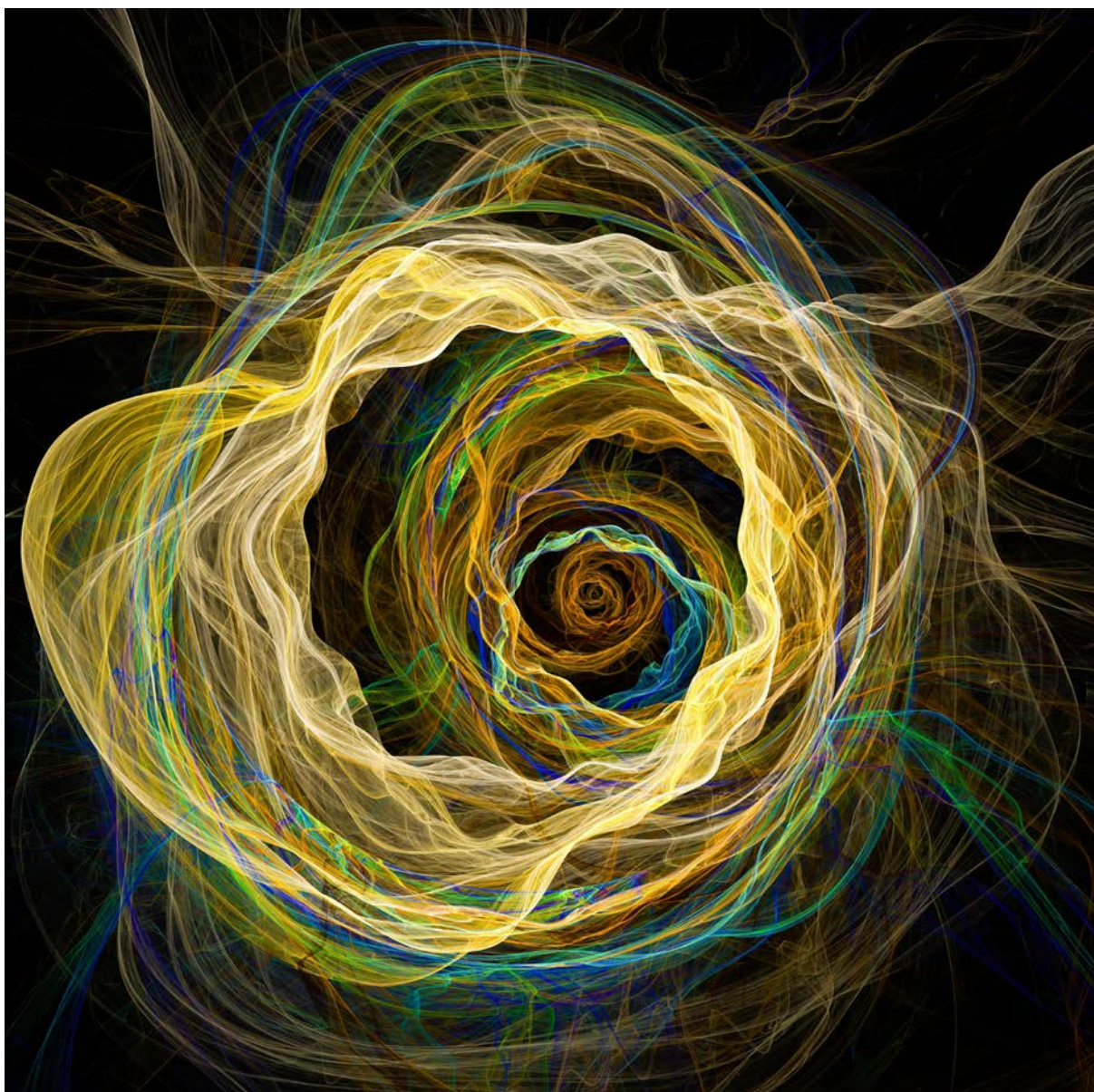

«Заминированный» образ тела – кто-то должен умереть.

Барминов Иван Алексеевич

- Иван Барминов – врач, психоаналитический психотерапевт, член ЕАРПП. Родился в г. Калуга, всегда интересовался тем, как устроен внутренний мир людей. Иногда из удивительных историй, наполненных сложными противоречивыми чувствами, рождаются сюжеты книг.

Образ тела – это визуальное представление собственного тела, которое мы формируем в своём сознании; понятие введено Паулем Шильдером в 1935 году.

Франсуаза Дольто в 1984 году в работе «На стороне подростка» сформулировала понятие бессознательного образа тела. Это – феномен психической реальности, который структурируется через коммуникацию между субъектами, которая оставляет в памяти бессознательного неизгладимый след и может рассматриваться, как воплощение бессознательного символического через телесное. Образ тела связан со всем эмоциональным опытом, отражает специфичность либидо и, в свою очередь, является способом коммуникации с другим. Напряжения боли и удовольствия могут быть переданы непосредственно или с помощью слов. Бессознательный образ тела наполняет схему тела, как душа наполняет наше физическое тело.

Из работы Дольто «На стороне ребёнка»: «Если мать отнимает ребенка от груди, но продолжает целовать его всюду, то есть ее рот имеет право на пользование его телом в любом месте, а его – нет, ребенок начинает испытывать мучительное противоречие: он становится «материнской грудью», а она ему грудь не дает. Но у него нет и вербального молока, ведь речь – то же молоко, но звуковое, слышимое. Ребенок становится объектом наслаждения, но сам наслаждение в обмен на предоставляемое ему не получает; он как бы начинает получать удовольствие от того, что стал принадлежностью, объектом своей матери и перестал быть субъектом в своих собственных коммуникационных поисках. Таким образом, может сформироваться база для дисфункции, что может привести к психозу или умственному отставанию».[1] К этому я могу добавить, что такая ситуация приводит к возможности переместить в образ тела ребёнка нечто, от чего хочется избавиться, некую «мину».

Образ тела находится в постоянном развитии или изменении. Но что будет происходить в теле, если в образ тела помещена «бомба» – неживой и неизменяющийся объект, единственным предназначением которого является необходимость его уничтожить?

Белла родилась в семье зрелого мужчины – преподавателя ВУЗа, владельца

Образ тела связан со всем эмоциональным опытом, отражает специфичность либидо и, в свою очередь, является способом коммуникации с другим.

небольшого строительного предприятия и молодой женщины, которая уступила требованию мужа не работать и сосредоточиться на семье, а точнее – на всевозможных домашних делах, чтобы ему самому не нужно было этим заниматься. Правда, он разрешил ей работать бухгалтером на своём предприятии и стал нагружать её работой по своему усмотрению, давая ей распоряжаться небольшой суммой. То есть отец Беллы полностью контролировал время, тело и волю её матери.

У него уже были дети – дочь 19 лет и сын 11. Три брака – три ребёнка. Почему-то он очень ждал рождения сына и долго не мог принять, что появилась девочка. Он становился хмурым, раздражительным, искал повод поругать жену, был неласков с Беллой. Его фантазийный, несуществующий, неживой объект нового сына был помещён в образ тела матери.

Свою мать Белла описывает коротко и ёмко: «существует, как воздух», т.е. она вроде бы есть, но ни на что не влияет. Никогда не вступает в спор с отцом, передаёт ему всё, что узнаёт про дочь, даже если это был секрет. В ответ на малейшую агрессию со стороны Беллы истерит и плачет.

Что будет происходить в теле, если в образ тела помещена «бомба» - неживой и неизменяющийся объект, единственным предназначением которого является необходимость его уничтожить?

В раннем детстве Белла пряталась под стол в детском саду, чтобы её не забрали домой. Она не может вспомнить, почему ей так не хотелось возвращаться, описывая только общее ощущение, что в саду было лучше. Трудно удивляться отсутствию речи в воспоминаниях Беллы. Когда её мама хотела, чтобы Белла вышла из комнаты, где она работала, она просто молчала, пока Белла не догадывалась уйти.

В 6 лет отец отвёл её на шахматы, ей не очень нравились эти уроки, но это был способ получить удовольствие, радуя отца. Ещё Белла помнит, что она никогда не носила платье, потому что отцу очень нравилось, как она выглядит в джинсах или штанах. Она коротко стриглась и играла в машинки, т.к. ей «нравилось» быть похожей на мальчиков. Нравилось, потому что её внешний вид мальчика доставлял удовольствие отцу. Потому что, когда она демонстрировала свой интерес к играм мальчиков, отец представлял себе, что у него сын. Так отец Беллы стал контролировать мысли, поступки и желания своей дочери. Например, у неё появилось стойкое желание всегда быть мальчиком, чтобы и её тело соответствовало телу мальчика.

В 7 и 8 лет была произведена замена хрусталиков, врач сообщил, что Белла может ослепнуть, если будет рожать естественным путём. Белла решила, что никогда не будет рожать.

Родители постоянно ругались, отец начинал пить, но это не влияло на процесс ругани. В состоянии опьянения отец мог резко взять Беллу на плечи и катать её, что вызывало страх упасть, но он этого не замечал.

В 9 лет мама спросила у Беллы, в какую школу она хочет ходить – новую или старую. Белла поняла, что речь идёт о том, разводиться матери с отцом или нет. Ощущая что-то страшное и неестественное в этом разговоре, она ответила, что ей нравится та школа, которая есть. Сделав Беллу ответственной за свои отношения с её отцом, мать получила контроль над её волей. Ту «мину», которую заложил ей муж, неживой объект нерождённого сына, мать переложила в образ тела Беллы. Ведь это она посмела родиться девочкой, значит ей и расплачиваться.

Белла, атакуемая обоими родителями, полностью подчинилась их желаниям и стала носить в себе неживой объект, пытаясь сделать его живым. Она действительно поверила, что сможет стать мальчиком.

Иногда в Белле просыпался протест против происходящего, но он всегда был опосредован рутинной и жёстко подавлялся. Например, в 11 лет отец требовал сделать уроки и уборку за 2 часа, тогда как на это объективно было необходимо намного больше времени. Белла жаловалась матери на неадекватность требования отца, но та лишь отвечала: «Значит, надо как-то успеть!» Символически Белла пыталась поставить вопрос перед матерью: «Разве я на самом деле могу стать мальчиком?», но мать не стала спасать её правдой. Страх столкновения собственного ничтожества со всемогуществом мужа заставлял мать генерировать нереалистичные представления.

Так они и жили в состоянии некоего компромисса – отец бредит, что у него есть сын, дочь верит, что можно быть любимым сыном отца, мать прячется от жизни, чтобы не встречаться со своим страхом. Но в эту «идиллию» вмешалась реальность и реальное тело Беллы: в 12 лет у неё появились месячные, выступила грудь. Разочарованный распадом своей иллюзии, отец перестал спрашивать об успехах Беллы в шахматах, стал каким-то нервным и придирчивым. А ещё он резко лишил дочь своей любви, в принципе, прекратив интересоваться дочерью. Белла ощущала себя брошенной, обманутой, она бросила шахматы и много конфликтовала с отцом по любому поводу, но он не перестал быть равнодушным к ней. Её отец сосредоточился на отношениях с матерью, бросил пить, на работе случился подъём. Мать Беллы была по-своему счастлива – её муж вновь интересуется ею, а её «вина» в нерождении сына полностью перешла на дочь.

Атакуемая обоими родителями, она полностью подчинилась их желаниям и стала носить в себе неживой объект, пытаясь сделать его живым. Она действительно поверила, что сможет стать мальчиком.

Ей «нравилось» быть похожей на мальчиков. Нравилось, потому что её внешний вид мальчика доставлял удовольствие отцу. Потому что, когда она демонстрировала свой интерес к играм мальчиков, отец представлял себе, что у него сын.

Белла ощутила себя совершенно никому ненужной. Это необходимо было срочно исправить. Но как? Оказалось, её лучший союзник – это её тело, которое

теперь приобрело женские очертания и привлекало внимание парней. Забрехала новая надежда.

В 13 лет она познакомилась с молодым человеком старше на 4 года, который через некоторое время привёл её «на заброшку» и стал говорить, что они должны заняться сексом. Она пыталась уйти, но он сказал, что она никуда не уйдёт, пока они это не сделают. Дальше она плохо помнит происходящее, только то, как она смотрит в проём окна и видит падающий снег, пока он сзади что-то делает. Оказалось, что её новый союзник – женское тело – может быть источником страха, унижения и боли. Возникли мысли о совершении суицида. Бессознательно Белла хотела наказания, насилия, и, возможно, собственной смерти. В её образе тела находилась «мина» – мёртвый объект, от которого необходимо было как-то избавиться. Но желание жить всё же пересилило.

Мысли рассказывать о произошедшем родителям у неё не было, ведь для них она не существует. Белла стала меньше есть, бессознательно пытаясь себя уничтожить, но это

Так они и жили в состоянии некоего компромисса – отец бредит, что у него есть сын, дочь верит, что можно быть любимым сыном отца, мать прячется от жизни, чтобы не встречаться со своим страхом.

не срабатывало, она худела, но не умирала. Ей снова хотелось есть, и она ела. Она пыталась избавляться от съеденного, но затем ела снова. Влечение к жизни никак не хотело сдаваться, подкрепляемое дополнительным вниманием со стороны родителей к её пищевому поведению.

В 14 лет появилось желание сделать тату на руках, щиколотке и ключице, спросила у мамы – та запретила. Хотела перекрасить волосы в жёлтый цвет – мама разрешила сделать фиолетовые

кончики на лето. Это разрешение вновь подарило надежду, что родители поменяются, увидят её и полюбят.

В 15 лет отец велел дать посмотреть её телефон, Белла отказалась, тогда он вырвал его силой. Белла резко возмутилась, отец вlepил пощёчину. Она ощущала бессилие что-либо сделать и поняла, что все их поблажки не меняют главного – они не любят её, как своего ребёнка.

В 16 лет долго не хотела вступать в интимные отношения с новым парнем, чтобы не забеременеть, но он сказал, что знает «секретный способ», чтобы этого не произошло – какую-то манипуляцию, которую он самостоятельно проделает у себя дома один. Почему-то она поверила ему, о чём во время терапии вспоминала с невероятным стыдом: «Я просто дура, как можно было в это поверить, мне так стыдно Вам об этом говорить, просто верх дебилизма!» Это была не тупость, это было следствие формирования нового бессознательного желания – избавиться от мёртвого объекта в своём образе тела и создать психический объект в реальности, там, где его можно убить.

Через несколько месяцев сексуальных отношений без контрацепции она поняла, что беременна. Врач по осмотру определил срок в 14 недель, УЗИ показало 16. Медики качали головой, но старались помочь, создавалось впечатление, что они могут что-то предпринять. Однако, на повторный приём Белла не пришла. Ей было очень стыдно,

Это было следствие формирования нового бессознательного желания – избавиться от мёртвого объекта в своём образе тела и создать психический объект в реальности, там, где его можно убить.

что она сделала глупость, настолько, что хотелось просто перестать существовать, исчезнуть навсегда. Она рассказала все парню, он пообещал найти денег на аборт и исчез, перестал выходить на связь.

Белла плохо помнит то время, она описывает его выражениями: «Всё, как в аду» или «Я думала, поскорей бы умереть». Однако, кроме желания убить себя было и стремление избавиться от проблемы – она пила диуретики и слабительные. Было ощущение, что вместе с мочой или калом однажды должен выйти и ребёнок.

Ещё через месяц она решила вновь попросить помощи, на этот раз у школьной медсестры. Белла попросила её рассказать, как сделать подпольный аборт без вреда для себя. Медсестра всегда с симпатией и теплотой разговаривала с Беллой, однако в этот раз она поменялась в лице и стала неистово отговаривать от аборта. Белла прекратила всякое общение с ней и поняла, что она осталась наедине со своей проблемой. Теперь она была беременным ребёнком, который держит «динамит» с горящим фитилём и не знает, что лучше сделать, лечь на него животом, чтобы уничтожить новую жизнь в себе, или прижать поближе к своему сердцу, чтобы погибли оба.

Буря, происходившая внутри неё, была недоступна её сознанию. Белла помнит вывод, к которому она пришла, и который помог ей решиться на действие: «Я не хочу его рожать, потому что он будет мучиться с катарактой, как я и отец».

Ещё через 3 недели, на сроке около 25-27 недель, она купила через интернет два препарата. Согласно найденной там же инструкции, перед сном она выпила таблетки и задремала. В 5 утра она проснулась от озноба и тряски, а через час добавилась боль в животе. В 14:00 боль стала невыносимой, и Белла сообщила родителям, что беременна и начался выкидыш. Отец выдал следующее: «Ну вот, а ты говорила, что детей не хочешь, пойду тогда достраивать второй этаж дома».

Однако, вскоре выкидыш свершился, родился мёртвый плод. Родители вызвали фельдшера, который осмотрел плод, сказал, что он мужского пола, нежизнеспособный, оценил вес в 1,5-2 кг и срок в 20 недель. Беллу отвезли в перинатальный центр зашивать разрыв влагалища. Там врачи и медперсонал поначалу плохо к ней отнеслись, подозревая криминальный аборт, но она говорила, что у неё анорексия, что ранее у неё частенько не бывало месячных, и они поверили, что это из-за её нервного состояния.

Оказалось, что её новый союзник – женское тело – может быть источником страха, унижения и боли.

В больнице её навестил парень со своим отцом, они предлагали деньги на лекарства и восстановление. Для Беллы было странно, что они не понимают, что запоздали со своей помощью.

Теперь она была беременным ребёнком, который держит «динамит» с горящим фитилём и не знает, что лучше сделать: лечь на него животом, чтобы уничтожить новую жизнь в себе, или прижать поближе к своему сердцу, чтобы погибли оба.

После больницы она была направлена в психотерапевтический центр, где посещала групповые сеансы и получала лёгкие психотропные препараты. Поняла, что ненавидит мать за то, что та не развелась с отцом. Врач в разговоре с её отцом сказал, что в произошедшем есть и его вина, после чего он год «вёл себя иначе, был внимательным», Белла поведала, что он поменялся.

Однако через год родители вновь перестали интересоваться дочерью, погрузившись в пучину повседневных проблем и своих собственных взаимоотношений.

Белла познакомилась с парнем из соседней страны, который ежедневно общался с ней, выслушивал всё, что она хотела сказать, и подробно комментировал её переживания, обеспечивая ощущение непрерывного внимания. Она заканчивала школу и была в классе лучшей ученицей, но не стала поступать в ВУЗ в Москву, как планировала, т.к. внезапно наступил упадок сил. Поступила на медицинский факультет с мыслью стать наркологом или психотерапевтом.

Во время учёбы стали возникать головные боли, кожные высыпания, ощущение недомогания, как будто отравилась чем-то, стала плохо спать. Последней каплей, определившей её обращение за помощью, стал случай исчезновения голоса. С утра перед парой по анатомии он «исчез» и восстановился к вечеру. Слова будто не могли быть извлечены с помощью голоса. Этот симптом был классической конверсией.

На первом приёме Белла некоторое время присматривалась ко мне, а затем позволила себе всхлипывать и много говорила о своих страданиях. После предложения начать психотерапию быстро успокоилась. Сформулировать какой-либо психологический запрос она затруднялась. Мы начали терапию 1 раз в неделю лицом к лицу.

Первое время терапию оплачивал отец, но через 4 месяца он поставил ультиматум – потребовал закончить психоанализ, объяснив это ухудшившимся материальным положением. Белла нашла работу.

В первые 1,5 года Белла постоянно страдала мигренью, причём она всегда возникала после сеанса и за 1-2 дня до следующего. Однажды она совершила суицидальную попытку, проглотив большое количество таблеток, но заранее предупредив друга, который её спас. На сеансах я должен был постоянно что-то говорить или спрашивать, или объяснять, как только я замолкал, или пытался связать какие-то события в её жизни, меня ждало наказание – мигрень и отсутствие материала на сеансе. А если я начинал говорить о том, что в кабинете находится не только она, но и я, и у меня тоже есть свои правила, она начинала покрываться сыпью, появлялся кожный зуд.

Я ощущал себя захваченным в плен, в котором меня держат живым, только пока я веселю захватчика.

Я ощущал себя захваченным в плен, в котором меня держат живым, только пока я весело захватчика. Мне было сложно выдерживать такой формат психотерапии, но с другой стороны, я понимал, что если я не буду более гибким, чем обычно, то она уйдёт. Основными темами были отношения на расстоянии и её учёба. Она хотела бросить медицинский и бессознательно ждала от меня запрета на это действие. Я озвучивал ей это и говорил, что она должна сама принимать решение. Её это злило, но сыпь и головная боль проходили. Она перешла на факультет психологии и стала каждый сеанс говорить, как она на меня злится, что эта терапия абсолютно бесполезна, что я ничего не делаю и не могу сделать, что она потратила уже много времени и денег. Я отвечал, как здорово, что есть место, где можно выражать свою злость словами. Она сказала, что вообще-то благодаря мне она смогла бросить парня в другом городе, смогла не начать спасать друга, который стал наркоманом, и у неё появилась подруга.

Через 1,5 года тот самый парень, сделавший ее беременной, умер, выпав из окна 9-го этажа в состоянии алкогольного опьянения. Белла попыталась уничтожить терапию – стала просить полностью перейти на онлайн-сеансы, которые я ощущал, как «мёртвые». Формально было не придраться – у неё мало времени, нужно ходить на учёбу,

На сеансах я должен был постоянно что-то говорить или спрашивать, или объяснять, как только я замолкал, или пытался связать какие-то события в её жизни, меня ждало наказание – мигрень и отсутствие материала на сеансе.

онлайн-терапия тоже работает, так она меньше меня боится. Однако у меня росло внутреннее ощущение, что таким образом она «убивает» меня. Сессии стали ужасно скучными, мне казалось, она даже наслаждалась тем, что всё катится в бездну. Однако, в бездну совсем не хотел я, поэтому однажды я заявил, что в её случае терапия онлайн будет бесполезна, и я буду принимать её только очно. Это вызвало её гнев, она буквально задыхалась, пытаясь сообщить мне, какой я неграмотный специалист. Пыталась кричать, но не могла. В этот период усилились головные боли и появилась сыпь. Мёртвый объект в её образе тела заставлял её психику искать новые пути эвакуации.

Она продолжала ходить и в какой-то момент случилось перепроживание беременности – воспроизведение её ощущений в тот период в тех же датах, только в текущем году.

Это воспроизведение, повторение непрожитой травмы вызвало у меня сложные переживания. Мне было понятно, что родить этого «ребёнка» совершенно невозможно по причине её незрелости и нежелания быть матерью. В то же время делать легальный аборт уже поздно. Мне была противна идея убить этот плод, изначально я, скорее, склонялся, что нужно в таком случае родить и отдать ребёнка в детский дом. Однако, по мере проживания вместе с Беллой её воспроизводимых ощущений я поменял своё мнение. Стало понятно, что родившийся ребёнок представляет собой экзистенциальную угрозу. Если родится мальчик, тогда она уже точно не нужна на этом свете.

Его могут усыновить родители Беллы. Или же она сама сведёт себя с ума чувством вины, зная, что он где-то существует и нуждается в ней. Наличие этого конфликта – невозможно избавиться и невозможно жить в случае его рождения – вызывало у пациентки сильное стремление уничтожить себя. В реальной жизни она худела и думала о самоубийстве. В терапии в «воспроизведении» она ненавидела меня, хотела убить «терапию» или себя, а также погрузилась в депрессию, изолированность, стала почти безжизненной на сеансах. Неожиданно для самого себя я понял, что готов участвовать в «убийстве». Оказалось, что в этих обстоятельствах кто-то должен умереть. И мой выбор, как и Беллы, пал на неродившегося ребёнка.

Я сказал ей, что понимаю её решение и готов помочь ей как бы сделать это. Она была удивлена, не сразу поверила, искала в этом какую-то «психотерапевтическую уловку». Я сказал, что выбираю её, потому что её я уже знаю, и не хотел бы, чтобы она погибала, потому что я уже привязался к ней, и если для продолжения её жизни необходимо пожертвовать плодом, то нам придётся принять эту жертву, даже вопреки общественным правилам.

Я, как аналитик, стал для неё не таким, как она себе представляла. Я был «уничтожен» ею, но выжил в другом виде, изменившись ради неё.

Дональд Винникотт в работе «Использование объекта» говорил: «При разрушении объекта пациент совсем не испытывает гнева. Можно сказать, что в этом случае имеет место радость от выживания объекта. С этого момента (или развития из этой фазы) объект будет всегда разрушенным в фантазии. Это качество «всегда быть разрушенным» создает реальность выживающего объекта, ощущаемого в качестве такового, усиливает чувство и способствует устойчивости объекта». [2] Только когда Белла смогла разрушить объект аналитика в своей фантазии, а в реальности он остался жив, и продолжил быть таковым, стало возможно отказаться от разрушения образа тела. «Мины» больше нет, исчезли мысли о суициде, нет расстройств пищевого поведения, нет кожных высыпаний. Головные боли видоизменились – теперь это не мучительная продолжительная пульсация, которую сложно купировать триптанами. Теперь это боль где-то внутри головы, возникающая тогда, когда она не до конца понимает мои ремарки, но не может сразу спросить, что я имел в виду. После обсуждения на следующем сеансе боли проходят.

Кажется, обычно терапия –
это что-то про любовь, а у нас
с тобой – про то, как мы ненавидим
друг друга.

Сессии стали ужасно скучными, мне казалось, она даже наслаждалась тем, что всё катится в бездну. Однако, в бездну совсем не хотел я, поэтому однажды я заявил, что в её случае терапия онлайн будет бесполезна, и я буду принимать её только очно.

В попытке выжить «бомба» была «помещена» в сформированный к 12 годам образ тела. Проблема была отложена, но не решена. В эпицентре будущего взрыва теперь располагалось тело, которое должно было пострадать.

Белла демонстрировала полную неспособность переносить тревогу, если наступала тишина больше, чем на 10 секунд, она начинала пристально смотреть на меня, искать малейшие проявления моих эмоций. На мои вопросы, почему она молчит, она обычно отвечала: «Я жду от Вас вопросов, мне непонятно, почему Вы так долго ничего не спрашиваете. Вы могли бы задать уточняющие вопросы. Вот раньше при молчании Вы смотрели на меня, а теперь – просто в сторону. Вы бросили меня!»

Белла не всегда легко понимает свои аффекты, часто ей сложно оценить своё поведение и мысли. В таких случаях помогает отзеркаливание происходящего, т.е. мне приходится воспроизводить её мышление и показывать наглядно имеющиеся противоречия. Довольно часто утрирование собственных недостатков вызывает у неё смех, и она начинает свободнее говорить о своих.

Белла плохо понимает, зачем нужны другие люди. Иногда она ощущает что-то вроде тоски по подруге, «ведь больше некому понять». Родители – скорее отсутствующие фигуры, к которым она постоянно стремится в надежде, что они вдруг станут любящими и нежными.

Детей Белла не любит и не хотела бы, однако она была сильно удивлена, как дети привязались к ней на её работе няней. «Я ведь их не люблю, просто я стараюсь послушать, что они говорят, и подсказать что-то. Правда, их родители не общаются с ними совсем».

Белла пока не способна устанавливать объектные отношения. По классификации Маргарет Малер она находится где-то между аутизмом и симбиозом – сидит в своём «коконе» и ждёт момента, когда можно будет осуществить слияние с любящим объектом.

В первые несколько месяцев терапии Белла была очень вдохновлена, казалось, впервые она могла быть уверена, что есть кто-то, кто будет с ней разговаривать и никуда не исчезнет: «Это лучшее время в моей жизни».

Она была наполнена переживаниями по поводу отношений с парнем, а также вспоминала различные ситуации общения с отцом в детстве. Например, как она подбегает к нему и говорит: «папа, я тебя люблю», а он отталкивает её.

Примерно через полгода появилась угроза прерывания терапии из-за нежелания отца давать деньги. В это же время она стала больше общаться с однокурсником и одноклассником, назовём его Джо.

Я, как аналитик, стал для неё не таким, как она себе представляла. Я был «уничтожен» ею, но выжил в другом виде, изменившись ради неё.

В первый отпуск аналитика она бросила медицинский факультет, стала мало есть, не ходила на занятия. А также у неё появилось желание бросить парня. На сессиях она рассказывала, что никому не нужна, что ей стало хуже, что её все бесят, но она не знает, как выражать злость.

Оказалось, что однокурсник встречается с парнем из другой страны и употребляет наркотики. Тема смерти вновь замаячила на горизонте. Белла очень злилась, что Джо выбрал вещества, а не её. Наконец, она прекратила отношения с ним, и у неё появилась мигрень и новые долги по учёбе. Так она проживала свою злость, не имея возможности выразить её словами.

К концу второго года терапии она стала сообщать, что ей страшно злиться на меня, вдруг я отмахнусь от неё. Повышение цены она восприняла, как попытку её выгнать. После выражения моей злости на её уход из очных встреч она, наконец, позволила себе открыто меня ненавидеть. Теперь в начале каждого сеанса она медленным и тягучим голосом говорила примерно следующее: «Я еле встала сегодня, зачем я сюда прихожу – я не понимаю! Вы меня бесите, от Вас нет никакого толка». Я в ответ пробовал разные реакции: сообщать ей о том, что она выражает злость, молчать, сомневаться, что она высказала свои чувства полностью. Но лучше всего сработала одна моя фраза: «Да, я по-

Как же я Вас сильно ненавижу! Вы ни на что не способны! Вы – очень плохой психотерапевт! А я – очень тяжёлый клиент. Ну ладно, давайте расскажу что-нибудь

нимаю, как ты чувствуешь злость, меня тоже раздражает, как ты каждый раз приходишь и говоришь одно и то же, это даже скучновато. Кажется, обычно терапия – это что-то про любовь, а у нас с тобой – про то, как мы ненавидим друг друга. Что ж, значит и так это бывает». После этого она перестала демонстрировать тревожность, и у неё исчезли приступы мигрени и высыпания на коже. Теперь при проживании стрессов она способна прийти и сказать: «Как же я Вас сильно ненавижу! Вы ни на что не способны! Вы – очень плохой психотерапевт! А я – очень тяжёлый клиент. Ну ладно, давайте расскажу что-нибудь».

Потеря любви отца при наличии депрессивной матери привела к ощущениям беззащитности и безнадёжности. Такие личностные черты, как депрессивность, ограниченная способность к интроспекции и склонность к агрессии определили невозможность сугубо психической переработки внутреннего напряжения. Отсутствующая, по сути, мать оставила психику Беллы в функционировании на уровне требовательного младенца – «Дайте мне что-то сожрать, ещё и ещё!» Развитие Эго было подавлено, что привело к попыткам компенсации его силы с помощью развития нарциссических защит. Однако и этих механизмов оказалось недостаточно, чтобы обезвредить заложенную «бомбу» – ощущение невыносимой бессмысленности бытия. Обезвредить невозможно, необходимо разрушить её, дать ей взорваться. Но такой «взрыв» уничтожил бы и без того

слабое Эго. Возможными вариантами были бы рецидивирующий психоз или суицид. В попытке выжить «бомба» была «помещена» в сформированный к 12 годам образ тела. Проблема была отложена, но не решена. В эпицентре будущего взрыва теперь располагалось тело, которое должно было пострадать. Бессознательно был найден ещё один вариант решения – уничтожить тело, но не своё, а произведённое собой.

Однако эффекта взрыва хватило лишь на 1 год, в течение которого Белла получила так необходимое ей внимание со стороны родителей. А затем они снова стали прежними. Вечной любви не случилось, вопрос смысла жизни вспыхнул с новой силой. «Бомба», убийственно взорвавшись, не исчезла совсем, а лишь набирала силы, чтобы вновь начать своё угрожающее тиканье.

Стало ясно, что угроза исходит не извне, а из «плохой» части собственного Я – «злокачественного интроекта». Его перемещение из психики в такие органы, как кожа и головной мозг, вызвали соматические симптомы – «крапивницу» и головную боль. В то же время использовались и конверсионные защиты – афония и «состояние отравления».

Уже в процессе работы над статьей я вдруг понял, почему в качестве псевдонима клиентки было выбрано имя «Белла». Белла может «развиваться» в двух направлениях: стать Белладонной – растением, употребление нескольких ягод которого приводит к летальному исходу, или Изабеллой – очень вкусным и ароматным сортом винограда.

Психоанализ продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ф.Дольто На стороне подростка //Рама Паблишинг- 2018г.
2. Д.Винникот Д.В. Игра и реальность// Институт общегуманитарных исследований, 2017 г.